

Безусловно, публицистика — неотъемлемая часть творческого наследия И. А. Бунина, **документ времени**. Но это документ, в который, как отмечает, например, Даниэль Риникер, Бунин **не раз** вносил **многочисленные** правки — стилистические, документальные, идеологические. Мало того, что сам текст “Окаянных дней” лишь основан на дневниковых записях Бунина московского и одесского периода 1918—1920 гг. его жизни, а в основном написан заново в 1925—1927 гг. Уже в Париже, по просьбе редактора газеты “Возрождение” П. Б. Струве, Бунин, “готовя “Окаянные дни” для берлинского собрания сочинений, значительно **переработал** текст по сравнению с газетным вариантом. Однако эта правка не была окончательной... Изучение этой правки показывает, что она носила как стилистический, так и **идеологический** характер”². Многократное и тщательное исправление текста всё-таки не могло не исказить документального начала. “В тексте “Окаянных дней”, — замечает Д. Риникер, — обнаруживаются **пласты**, различающиеся по **происхождению** и по **времени написания**”³.

Стоит задаться вопросом: что служило главным **источником** глубокомысленных выводов и ожесточённых высказываний Бунина? Газеты и слухи.

“Все слухи и слухи, — пишет он в “Окаянных днях” 12 апреля 1919 г. в Одессе. — Бешенство слухов. Петроград взят генералом Гурко, Колчак под Москвой, немцы вот-вот будут в Одессе”⁴. Ничего этого на самом деле не происходило, но Бунин жил слухами и надеждой, что они сбудутся.

Вот выдержки всего из двух страниц “Окаянных дней” от 28 февраля 1918 г. “Вести со Сретенки — немецкие солдаты заняли Спасские ворота”; “Слух, что в Москве немцы организовали сыскное отделение”; “В Петербург будто бы вошел немецкий корпус”; “Говорят, что Москва будет во власти немцев семнадцатого марта” (на самом деле этого не было. — **И. И.**); “Рассказывал в трамвае солдат...”; “Д. получил сведения из Ростова...”; “Д. прибавил: “Большевики творят в Ростове ужасающие зверства... расстреляли 600 сестёр милосердия; ну, если не шестьсот, то всё-таки, вероятно, порядочно”; “Повар от Яра говорил мне...”; “Вести из нашей деревни...”⁵. И так — едва ль не на каждой странице.

Читаешь — и тебя, сегодняшнего, тоже вдруг охватывает неосознанный ужас. Понятно, что, кроме газет и слухов, других источников информации Бунин не имел и не мог иметь, жил в великом расстройстве и панике. Но разве, читая эти статьи сегодня, мы не должны учитывать бунинское психологическое состояние и нескрываемую пристрастность?

10 февраля 1918 г. Бунин пишет: “Ещё не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно... Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности всё равно никогда не будет. А главное: наша “пристрастность” будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна “страсть” только “революционного народа”? А мы-то что ж, не люди, что ли?”⁶.

Люди, конечно же, — люди! Только другие люди — господа, люди других сословий, других интересов, нежели интересы простонародья, “полудикарей”, “черни”.

Бунинская публицистика, особенно “Окаянные дни”, — это в значительной мере коллекция слухов, домыслов, а кое-где, наверняка, и его богатейшего воображения, о котором он сам говорил, сопоставляя свою способность фантазировать с аналогичным даром Л. Н. Толстого. 11 марта в “Окаянных днях” запись: “Толстой сказал про себя однажды: “Вся беда в том, что у меня **воображение** немного живее, чем у других...” Есть и у меня эта беда”⁷.

Слова, которые сами вот так, без раздумий, с ходу, без всякой подготовки срываются с языка, — самые правдивые. Но сколько в них истины? Вот вопрос. Если твоя рефлексия построена сплошь на слухах, а слухи тоже на слухах, то сколько смысла в твоей правдивости, какой прок от неё?.. Правда, сказанная злобно, лжи отъявленной подобна. Часто протест вызывает не правда сама по себе, а то, каким образом она подана.

Конечно, можно полагать, что правда заключается не в том, чтобы нести истину, а в том, чтобы говорить то, что думаешь. Но вряд ли этот принцип подходит к Бунину. Он жаждал перемен от сказанного им, особенно поначалу. Но для этого одной правды, одной стойкости и готовности висеть за свою правду хоть на кресте, мало. Правда о делах общественных должна всё же как-то совпадать с истиной, а не противоречить ей. Бунин противоречив,